

На абордаж!

Сергей Мишенёв

Абордажный бой. Скоротечный, беспощадный, страшный. Бой без отступлений и без маневров. Сражения на кораблях лишь весьма отдалённо напоминали искусство фехтования в том виде, в котором оно существовало в те эпохи. И, тем не менее, приходится констатировать, что какого-то специального абордажного фехтования не было. Среди сотен школ и стилей ведения боя холодным оружием ни один не имел прямого отношения к данному предмету.

Во все времена существовал определенный набор защитных и атакующих действий, преобладание первых или вторых формировало доктрину боя, технические особенности работы холодным оружием выявляли стиль, а параметры оружия и характер местности определяли специфику. Но если доктрина и стиль – неизменные параметры боя, признак школы, то специфика вещь переменная, и мы легко её находим на качающихся палубах и узких абордажных мостиках. Ведь это и есть характер местности, причём, характер узнаваемый и яркий.

А оружие? Оно тоже было весьма специфично и представляло собой укороченные модификации традиционных сабель, палашей и других длинноклиновых предметов. Наиболее совершенным предметом из этого разряда стали абордажные тесаки, появившиеся в XV веке. Их короткие широкие клинки прекрасно зарекомендовали

себя в тесноте палубного пространства, где успех боя определяли серии коротких рубящих ударов. Ещё более приспособленными к абордажам оказались венецианские тесаки, лезвие которых представляло собой пилу с крупными зубьями. Такой пилой, практически не замазываясь, можно было нанести серьёзную рваную рану, от которой не спасали кожаные и суконные колеты.

А доспех? Идя на абордаж, воины старались надеть на себя как можно меньше железа, чтобы легче было маневрировать на мостиках и палубах среди мачт, бухт и кнехтов, а заодно держаться на плаву в случае падения в воду.

И вот тут мы сталкиваемся с одним историческим несоответствием. Дело в том, что в древности вооружение для воинов на кораблях было не легче обычного, а тяжелее! «...Должна быть проявлена особая забота о том, — пишет Флавий Вегеций Ренат в своём «Коротком изложении военного дела (примерно V век), — чтобы моряк был хорошо защищён, чтобы воины были в бронях и в панцирях, со шлемами, а также в поножах... так же как и щитами пользуются более крепкими...» И при этом: «На тяжесть оружия никто не может жаловаться, так как во время сражения на кораблях стоят на месте».

Как же выглядели эти древние «сражения на кораблях»? Начиналась битва с долгого маневрирования, целью которого было нанести вражескому судну таранный удар специальным медным зубом, расположенным в носовой части корабля, как правило, наполовину под водой. Это, собственно, и решало часто исход сражения — абордаж мог и не последовать. А в процессе этого маневрирования корабли осыпали друг друга целым градом метательных снарядов, которые бросали как руками, так и при помощи ручных и палубных механизмов. Этот метательный бой и был тем самым сражением, во время которого воины «стоят на месте». Неудивительно, что требовалось более прочное снаряжение для защиты, ведь в полевом бою воин отражал щитом лишь ручные метательные снаряды, а здесь фигурировали ещё и палубные машины. Действительно, Вегеций, упоминая особо прочные щиты, говорит о «необходимости защищаться от ударов камнями более крупными». И не только камнями: «Кроме серпов, крючьев и других видов морского оружия они направляют друг против друга копья и метательные снаряды в виде стрел, дротиков, камней из пращей и фустибулов (специальная палка для метания камней — прим. автора), свинцовые шары (так называемые

маттиобарбулы — прим. автора), камни из онагров, баллист, маленькие стрелы из скорпионов».

Итак, метательный бой и таранный удар. А рукопашная? Она практически не решала в то время исход корабельного боя. Конечно, воины

на протараненном корабле всеми силами старались захватить корабль-победитель — в этом было их единственное спасение. Но этот корабль мог запросто отплыть на несколько метров, избегая абордажного боя, и предоставить, таким образом, проигравшим два пути: тонуть или сдаваться.

Почему же в какой-то момент флотоводцы решили пересмотреть технику и тактику корабельного боя? Возможно, это связано с изобретением ковруса — осадного моста, предназначенного исключительно для десантирования воинов на палубу вражеского судна. Коврус имел длину 8-11 метров при ширине примерно 1 метр, невысокие бортики и шпору, которая втыкалась в палубу вражеского корабля, не давая, таким образом, последнему «разорвать дистанцию». Нижний край ковруса крепился к палубе на шарнире и в исходном положении фиксировался вертикально, а в нужный момент крепящий трос отпускали, и мост, увлекаемый собственным весом, автоматически приходил в горизонтальное, боевое, положение. Успех атаки здесь зависел, в конечном счёте, от качества группы захвата, которая перебежала по мосту и вступала в рукопашный бой с живой силой противника. Эти группы захвата и получили более лёгкое вооружение, приспособленное не для отражения камней, а для абордажного, рукопашного боя. И первоначально это было обычное сухопутное снаряжение легионера.

Впервые коврус применил римский флотоводец Гай Дуилий против карфагенского флота и одержал ошеломляющую победу. Вот как это событие описывает специалист по исторической географии А. Б. Снисаренко: «Римские корабли приближались к карфагенским, как для обычной таранной атаки. Пунийцы, наблюдая «неумелые» маневры римлян, спокойно их поджидали, предвкушая победу. Но когда корабли сблизились, шпору римских коврусов молниеносно вонзились в палубы пунийских кентер, и по мостикам ринулись легионеры, вооружённые как для обычного сухопутного боя. Все было кончено в считанные минуты».

Заметьте, «как для обычного сухопутного боя». Значит, легче. Так что можно сказать, что флибустьеры, корсары и другие джентльмены удачи являются последователями именно тех римлян.

Абордажный тесак первой половины XVII века

Русский абордажный топор

Французский морской офицерский кортик начала XIX века (вверху) и мичманский английский морской кортик первой четверти XIX века

Но «морпехов» Гая Дуи-лия от пиратов XVI столетия отделяет целая эпоха, больше тысячи лет. Что из себя представлял абордажный бой в те, средние, века?

VIII век. Берега Западной Европы увидели новые корабли, пришедшие с Севера. Дракары викингов не имели таранов и коврусов, даже не вооружались палубными метательными механизмами. Да, собственно, и палубы-то у них не было. Весь успех морского сражения зависел от рукопашной, слегка предварённой ручной перестрелкой.

По мере приближения к вражескому кораблю, конунг доставал из-под своего почётного сиденья мечи и раздавал их бойцам. Когда расстояние между кораблями оставалось совсем небольшим, в ход шли абордажные крючья

и якоря, при помощи которых осаждённое судно подтягивали к своему борту (хотя саги описывают случаи, когда корабли сцеплялись для абордажа «грудь в грудь»). Похоже, что мостиками и прочими «приспособами» викинги пренебрегали, предпочитая перепрыгивать с борта на борт. И вот тут начинался сам бой. Первый ряд викингов шёл в атаку с мечами и топорами. Второй действовал копьями, причём особыми. Это было «копье с крючком, которым можно было также и рубить». Стоящие ещё дальше метали дротики и остроги, а самые последние бросали камни, гарпуны и стреляли из лука.

Самая жаркая схватка разгоралась вокруг мачты. И тогда сам конунг выбегал из-за ограды щитов, вдохновляя бойцов личным примером. Как правило, это и решало исход схватки. Но бой мог и затянуться, и тогда рукопашная принимала самые неожиданные обороты: «Олав схватил румпель и бросил в этого человека, и попал в голову... так, что череп раскололся до мозга». Или: «Вигорусс, сын Глума Убийцы, схватил с палубы наковальню, на которой кто-то выпрямлял рукоять своего меча... Он метнул наковальню двумя руками и попал в голову Аслаку Лысому, так, что острый конец наковальни вонзился в мозги. До этого Аслака не брало никакое оружие, и он рубил на обе стороны».

Ну, с румпелем и наковальней всё ясно. А если вернуться к оружию? Выясняется, что специального абордажного вооружения не было и у викингов! Почему? Да потому, что боевые походы «королей моря» далеко не ограничивались морями. Те же люди, потопив по пути пару кораблей, высаживались на берег, и с тем же оружием осаждали крепости и вступали в полевые сражения. Содержать специальную абордажную команду со специальным оружием на относительно небольшом дракаре не было ни возможности, ни смысла. Каждый викинг был универсалом: на море – матросом или «морским пехотинцем», на суше – купцом или воином, а дома – ...трудолюбивым землевладельцем.

Соответственно, оружие викинга – меч, топор, копье, щит – тоже было универсальным, одинаково хорошо приспособленным для любых боевых действий, в любых условиях. Поэтому так забавно бывает читать некоторые

Французский морской
абордажный тесак обр. 1803 г.

Попытки скрестить холодное и огнестрельное оружие зачастую терпели неудачу. Пример тому – английский абордажный пистолет, из-за своей дороговизны и ненадёжности так оставшийся только опытным образцом. Предмет хранится в собрании Центрального военно-морского музея в Санкт-Петербурге

современные исторические романы, где викинги оруду-
ют, например, двуручными мечами, которых у них вооб-
ще не могло быть.

Ситуация с оружием изменилась лишь в конце XV –
начале XVI веков. Именно тогда появились абордажные
тесаки, полусабли и кортики, то есть предметы, спе-
циально предназначенные для абордажного боя и со-
стоящие на вооружении у матросов. Интересно обратить
внимание на кортик. Ведь это лишь сейчас кортики мор-
ских офицеров окончательно атрофировались в малень-
кий кинжал, по сути в стилет. А первоначально кортик

имел довольно широкий однолезвен-
ный и слегка изогнутый клинок, доста-
точно длинный для того, чтобы им мож-
но было рубить. Он был несколько коро-
че сабли и несколько легче тесака,
однако вполне годился для скученного
боя. А размеры и вес этого оружия позво-
ляли постоянно иметь его под рукой.
Благодаря таким качествам кортик облю-
бовали не только матросы, но и... почта-
льоны.

